

Тьма сгущалась наискосок,
будто кто-то играл каприччио
Паганини на скришке
без струн, без лакированных хрящей,
без рук и без смычка — на одном

вибрирующем сгустке теней.
И хотелось подойти к раскрытому окну
и выхватить голыми руками кусок
синего неба,
ослепительного, остывающего.

Антивечер.

Антимотылек летит на свет
антисвечи,
в комнатах все вывернуто наизнанку:
вывернуты зеркала — внутренности
зеркального карпа.

Шторы, будто кони, пьют
светящуюся пыль у сонного водопада,
и так тихо, что скулящий звук
телевизора этажом ниже
просачивается сквозь тишину —
звуковой кровью
сквозь бетонные распаренные бинты.